

Э. ФРАНЧЕС

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ В РУМЫНСКОЙ НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКЕ В 1956—1961 гг.

Несколько лет назад в кратком обзоре, опубликованном на страницах этого сборника, мы осветили задачи, вставшие перед византиноведением в Румынской Народной Республике с 1948 г.¹ Мы подчеркнули тогда, что новое направление в исторической науке, утвердившееся в результате общественных изменений, которые произошли в стране после второй мировой войны, привело к значительному расширению археологических работ и к систематической обработке археологического материала с целью изучения условий материальной жизни народов, живших на территории нашей родины. Особое внимание было обращено на район Добруджи, где были продолжены старые и начаты новые раскопки. До VII столетия Добруджа входила в состав Византийской империи, затем она снова частично принадлежала ей в X в. и позднее, после покорения Византией Болгарии.

Археологический материал — единственный, в котором нашло свое отражение далекое прошлое этой области: другие источники здесь отсутствуют. Естественно, что археологические изыскания дали возможность познакомиться с экономическим положением Добруджи и определить степень проникновения византийской цивилизации на периферию империи.

Интенсивные раскопки предпринимались в последние годы в следующих районах: в Добрудже — в Истрии², в селении Диногетия (на северо-западе Истрии)³; в гавани Новиодун⁴; в одном из важнейших опорных пунктов римского флота — Капидаве⁵; в восстановленной византийцами в X в. римской крепости на дунайском острове Păciul lui Soare⁶. Были изучены различные стороны социально-экономической и культурной жизни IV—VI и X—XII вв.: исследователи определили время существова-

¹ Э. Франчес. Византиноведение в Румынской Народной Республике (1948—1958). ВВ, XVI, 1959, стр. 308—316.

² E. Condurachi și colaboratori. Santierul arheologic Histria. «Materiale și cercetări arheologice», IV, 1957, [p. 16—24; V, 1958, p. 288—296; VI, 1959, p. 274—280; VII, 1960, p. 227—241.

³ Gh. Stefan și colaboratori. Săpăturile arheologice de la Garvan (Dinogetia). «Materiale și cercetări arheologice», IV, 1957, [p. 195—209; V, 1958, p. 565—586; VI, 1959, p. 629—651; VII, 1960, p. 583—598.

⁴ I. Bafnea, B. Mitrea și colaboratori. Săpăturile de salvare de la Noviodunum. «Materiale și cercetări arheologice», IV, 1957, p. 155—174; V, 1958, p. 461—473.

⁵ Gh. Flofescu, R. Flofescu și P. Diaconu. Capidava. București, 1958, p. 21—24; 135—152.

⁶ I. Nestor și P. Diaconu. Săpăturile arheologice de la Păciul lui Soare. «Materiale și cercetări arheologice», V, 1958, p. 587—592; P. Diaconu. Săpăturile de la Păciul lui Soare. «Materiale și cercetări arheologice», VI, 1959, p. 653—666; VII, 1960, p. 599—608.

ния каждого отдельного поселения, обстоятельства, при которых оно исчезло, занятия жителей и уровень их культуры; удалось установить также взаимоотношения этих населенных пунктов с Византией.

Результаты археологических исследований Мангалии эпохи феодализма изложены в статье И. Барнеа⁷. На месте находившейся там крепости Каллаты были найдены относящиеся к X—XI вв. бронзовые монеты и остатки амфор. Эти отдельные, к тому же незначительные и разрозненные находки не позволяют, однако, говорить о наличии в Мангалии постоянного поселения в тот период. Только в XII в. здесь возникло и выросло новое поселение под названием Παγάληα. Жителями его были преимущественно греки. Исчезновение между VII и X вв. прежнего названия — «Каллата» — и редкость археологических находок, принадлежащих к этому времени, свидетельствуют о том, что данное поселение на протяжении этих столетий не всегда являлось крепостью.

Были возобновлены и раскопки в Суцидаве⁸ (неподалеку от впадения Альты в Дунай), где такие исследовались поселения VI в.

Предметом специального изучения явился археологический материал, относящийся к византийской эпохе. Так, Барнеа в ряде статей исследовал памятники искусства и надписи, обнаруженные главным образом в Добрудже⁹. Изучая надписи, автор пришел к выводу, что до VI в. среди населения Добруджи преобладал греческий элемент. Три четверти всех известных надписей составлены на греческом языке, две надписи — на латинском и греческом и остальные — на латинском языке. Почти все они восходят к III—VI вв.; только две, найденные в Аксиполе, относятся, по видимому, к IX—X вв. В большинстве случаев это — надгробные надписи; они принадлежат простым солдатам или низшим чиновникам. Из 80 имен, встречающихся здесь, 30 — греческих, столько же — латинских, несколько малоазиатских и два — тюркских или, возможно, кутригурских. В обеих аксипольских надписях встречаются славянские имена — Ратуслава и Войслава.

В другой статье того же автора характеризуются базилики, найденные в Истрии, Диногетии, Новиодуне, Томи, Каллате и Ибиде. По своей архитектуре базилики Добруджи близки к базиликам важнейших византийских центров; скульптуры указывают на ярко выраженное южное влияние. Некоторые из них — средней художественной ценности — были созданы местными мастерами по моделям, присланным с юга, и из материала того же происхождения. Мрамор лучшего качества добывался в Проконесе. Большие размеры базилик Истрии и Тгораеум Траϊανί указывают на то, что эти города были очень населены; жителям их приходилось селиться вне городских стен — явление, характерное для периода распада рабовладельческого общества. Почти все эти базилики и многочисленные гражданские сооружения Добруджи восходят к V—VI вв., главным образом ко времени императоров Анастасия и Юстиниана, что свидетельствует об усиленной строительной деятельности, развернувшейся в этот период во всей провинции.

Археологические изыскания последних лет привели к открытию монетных кладов и отдельных монет, в том числе многочисленных византийских

⁷ I. Barnea. Descoperiri arheologice din epoca feudală la Mangalia. «Materiale și cercetări arheologice», VI, 1959, p. 903—924.

⁸ D. Tudor, E. Bujor, A. Matroșenco. Sucidava V. «Materiale și cercetări arheologice», VII, 1960, p. 473—494.

⁹ I. Barnea. Quelques considérations sur les inscriptions chrétiennes de la Scythie Mineure. «Dacia», I, 1957, p. 265—288; idem. Roman-Byzantine Basilicae discovered in Dobrogea between 1948—1958. «Dacia», II, 1958, p. 331—349; idem. Monumente de artă creștină descoperite pe teritoriul Republicii Populare Romine. «Studii teologice», X, 1958, 5—6, p. 287—310; XII, 1960, 3—4, p. 201—231.

денежных знаков. Монетные находки упоминаются в отчетак, излагающих общие результаты археологических исследований, производившихся в том или ином пункте, а важнейшие из этих находок рассмотрены и в специальных статьях¹⁰. Изучаются также денежные клады, хранящиеся в многочисленных монетных собраниях местных музеев: хотя они и были найдены много лет назад, их ранее не исследовали¹¹.

Среди обнаруженных монет И. Банчила отмечает одну, которая отсутствует во всех каталогах византийских монет, — монету в 10 нуммиев времени Юстина I, выпущенную вскоре после того, как этот император объявил своим соправителем Юстиниана¹². Предметом исследования И. Димиана являются бронзовые монеты времени императора Константина VII и Никифора Фоки (позднее перечеканенные)¹³. Автор соглашается с Росом, считавшим, что перечеканка этих монет началась при Иоанне Цимисхии и продолжалась при последующих императорах — Василии II и Константине XI. К такому заключению он приходит главным образом на основе одного сообщения Скилицы.

Недавние монетные находки позволили перейти к созданию обобщающих нумизматических исследований, в которых соответствующие данные используются для характеристики этапов хозяйственного развития нашей страны в раннефеодальный период. Так, И. Димиан устанавливает, что византийские монеты, найденные на территории Румынской Народной Республики, чеканены в одной главной императорской мастерской¹⁴. Большая часть их — из бронзы, иногда встречаются серебряные и очень редки золотые монеты. Это обстоятельство указывает на то, что византийские денежные знаки употреблялись для нужд внутренней розничной торговли; их появление, следовательно, не было результатом развития импорта или экспорта. Большинство византийских монет, обнаруженных в Румынской Народной Республике, восходит ко времени императора Юстиниана. Начиная со второй половины VII в. они встречаются реже и вновь появляются в изобилии лишь с периода правления Иоанна Цимисхии. Количество монет возрастает и в эпоху Комнинов, не достигая, однако, масштабов V—VI вв.

Во второй части своей работы автор пытается объяснить причины сокращения денежного обращения во второй половине VII — первой половине X в. Румынские историки в основном придерживаются мнения, что обращение византийской монеты на левобережье Дуная сократилось в результате возникновения Болгарского государства: это привело, как они полагают, к разрыву торговых связей между румынскими княжествами и

¹⁰ Al. Bărcăcilă. Cîteva monede și două iconițe de la Ostrovu Mare, reg. Craiova. «Studii și cercetări de numismatică», I, 1957, p. 419—423; Eug. Comșa și Gh. Bichir. O nouă descoperire de monede și obiecte de podoabă din sec. X—XI în așezarea de la Garvan (Dobrogea). «Studii și cercetări de numismatică», III, 1960, p. 223—244; I. Barnea. Alt tezaur de monede bizantine de la Dinogetia. «Studii și cercetări de numismatică», III, 1960, p. 245—254.

¹¹ I. Băncilă. Note asupra unor tezaure de monede bizantine. «Studii și cercetări de numismatică», I, 1957, p. 425—438; I. Dimian. Tezaur de monede bizantine găsite la Socariciu. «Studii și cercetări de numismatică», II, 1958, p. 413—416; I. Băncilă. În legătură cu tezaurul de la Tuzla. «Studii și cercetări de numismatică», II, 1958, p. 417—418; O. Iliescu. Despre un tezaur de monede bizantine din vremea Comnenilor găsit în București. «Studii și cercetări de numismatică», III, 1960, p. 493—495; B. Mitrea. Un mic tezaur de monede bizantine de bronz din secolele XII—XIII. «Studii și cercetări de numismatică», III, 1960, p. 497—499.

¹² I. Băncilă. O monedă bizantină inedită sau puțin cunoscută. «Studii și cercetări de numismatică», I, 1957, p. 417—418.

¹³ I. Dimian. Cu privire la cronologia și arbuivea monedelor anonime bizantine de bronz. «Studii și cercetări de numismatică», III, 1960, p. 197—221.

¹⁴ I. Dimian. Cîteva descoperiri monetare bizantine pe teritoriul R. P. R. «Studii și cercetări de numismatică», I, 1957, p. 189—216.

Византией. Димиан также, и притом совершенно справедливо, констатирует, что в областях, где ранее циркулировала византийская монета, она стала теперь чрезвычайно редкой. Уменьшение византийских денежных знаков следует, по мнению автора, отнести за счет общих экономических причин, и прежде всего — обеднения класса мелких собственников вследствие их экспроприации крупными. Мы не можем, однако, согласиться с этой аргументацией: нет основания утверждать, что мелких землевладельцев в VI в. было больше, чем в VIII в. Действительное положение вещей было как раз обратным.

Далее, с точки зрения автора, арабские завоевания способствовали переходу части средиземноморской торговли в руки завоевателей. В то же время арабские деньги в большом количестве проникали в Византийскую империю. Торговля последней вновь расширяется только после смерти халифа Моктафи, когда стала переживать упадок арабская торговля: обращение византийской монеты в это время соответственно увеличилось. Выдвигая данный тезис, автор должен был бы исследовать, не перешла ли в большей своей части торговля халифата к отдельным арабским государствам, которые появились в результате его распада.

Димиан считает, что, передавая свою внешнюю торговлю в руки иностранцев, Византия осуществляла переход к новой хозяйственной политике. Этот вывод также представляется малоубедительным. Невольно возникает вопрос: свидетельствует ли увеличение числа находок византийских монет о том, что в этот период (X—XII вв.) империя возвращается к своей прежней торговой политике, или же она еще в большей степени отказывается от ведения самостоятельной внешней торговли в пользу итальянских купцов? Думается, что важнейшим фактором, не отмеченным автором данной статьи и в значительной мере объясняющим сокращение числа монет в рассматриваемый им период, были те перемены, которые начиная с VII в. происходили в византийских городах.

Некоторые выводы, касающиеся обращения византийской монеты в Семиградье, содержатся в обобщающей работе И. Сабау¹⁵. Отмечая незначительное количество византийских монет в Семиградье в XI—XII вв., автор расценивает этот факт как свидетельство низкой ступени экономического развития данного района. Большинство найденных здесь монет относится к периоду Иоанна и Мануила Комнинов. Ни одной находки византийских монет от XIII и XIV вв. в Семиградье не известно, что указывает на разрыв с этого времени всяких связей с Византией.

В некоторых статьях рассматриваются печати, найденные при раскопках. Так, И. Барнеа описывает печати византийских чиновников X—XII вв., обнаруженные в Добрудже¹⁶. Одна из них (из Диногетии), приписываемая Барнеа киевскому митрополиту Михаилу (1130—1145)¹⁷, стала предметом дискуссии, в ходе которой французский византист В. Лоран опровергал точку зрения Барнеа.

В ходе раскопок, произведенных преимущественно на территории Добруджи, вскрыты также многочисленные остатки керамики — либо византийского происхождения, либо созданной под влиянием византийских образцов. Анализу этих находок посвящено несколько статей¹⁸. В послед-

¹⁵ I. Sa b a u. Circulația monetară în Transilvania secolelor XI—XII în lumină izvoarelor numismatice. «Studii și cercetări de numismatică», II, 1958, p. 269—301.

¹⁶ I. Barnea. Sigilii bizantine inedite din Dobrogea. «Studii și cercetări de numismatică», III, 1960, p. 323—332.

¹⁷ I. Barnea. À propos de la découverte de deux sceaux byzantins de Dinogetia. «Dacia», II, 1958, p. 473—478.

¹⁸ R. Florescu. Unele observații cu privire la ceramica decorată cu culoare roșie din așezarea tîrzie de la Capidava. «Studii și cercetări de istorie veche», IX, 1958, 1,

ние годы была исследована также византийская керамика из старых собраний Национального музея древностей (Бухарест). В одной из работ М. Константинеску изучил керамику Большого Авакиана в Cetatea Alba¹⁹, (раскопки производились в 1929 г.).

В результате указанных археологических изысканий стало прежде всего возможным представить в главных чертах историю важнейшей византийской крепости в Добрудже — Истрии, а затем и всей провинции. Обширное исследование по истории Истрии IV—VI вв. принадлежит академику Е. Кондураки²⁰. Основные положения его работы таковы.

После того как в середине III в. город был разрушен, по-видимому готами, — о разрушении его свидетельствует плотный слой золы, — он начал затем понемногу восстанавливаться в правление императора Проба. Городские стены были отстроены вновь. Автор склоняется к мнению, что новые укрепления, меньшей протяженности, чем укрепления греческой Истрии, начали сооружаться при императоре Константине. Они простирались на расстояние, равное третьей части территории, занимаемой всем городом в предшествующее время. В IV—VII вв. к ним были добавлены другие оборонительные сооружения — три вала, из которых самый поздний относится к началу VII в. В этот период была восстановлена и древняя стена, расположенная к западу от большой стены.

Период расцвета строительной деятельности город пережил главным образом в царствование Юстиниана и Анастасия. Были воздвигнуты многочисленные базилики, среди них — две монументальные, затем какое-то большое здание суда или церкви, многочисленные военные лагеря, частные строения, внушительная постройка с многочисленными архитектурными украшениями. Были также проложены хорошо мощенные улицы.

Вследствие уменьшения пространства, защищенного стенами, и ради экономии площади здания тесно прижаты здесь друг к другу. Несмотря на это, существовал целый квартал, находившийся за пределами внутренних городских стен. В этот период Истрия, в прошлом являвшаяся значительным торговым и ремесленным центром, была больше связана с сельским хозяйством; она вела торговлю только с соседними народами. Хотя доходы, которые господствующий класс извлекал из сельского хозяйства, превосходили доходы от торговли, представители городской верхушки все же располагали значительными богатствами. Об этом свидетельствуют крупные жилые дома. Из надписей видно, что многие богачи, даже городские судьи, проводили большую часть года в своих загородных виллах. Все эти данные, а также снижение художественной ценности ремесленных изделий, доказывают, по мнению автора, что Истрия, как и другие области империи, переживала процесс перехода от рабовладельческих отношений к раннефеодальным.

В начале VII в. Истрия стала объектом нападения славян, а возможно, также аваров и протоболгар. Предоставленный самому себе, город мог оказывать лишь слабое сопротивление нападавшим. По прошествии первого десятилетия VII в. он был покинут жителями; только некоторые жалкие хижины указывают на sporadическое присутствие в нем редкого и бедного населения. Исчезновение города объясняется не только нападениями ко-

p. 131—139; P. Diaconu. Un nou tip ceramic din epoca romano-bizantină. «Studii și cercetări de istorie veche», X, 1959, 2, p. 487—490.

¹⁹ M. Constantinescu. Contribuție la cunoașterea ceramicii bizantine de la Cetatea Albă (Belgorod Dniestrovsky). «Studii și cercetări de istorie veche», X, 1959, 2, p. 441—451.

²⁰ E. Condurachi. Histria romano-bizantină în lumina ultimelor săpături. «Monumente și muzee», I, 1958, p. 21—39. См. то же на французском языке: «Dacia», I, 1957, p. 245—263.

чевых народов, но и тем, что Истрия в это время утратила былое экономическое значение.

Вопросом о прекращении существования Истрии занимался также Нубар²¹. Поскольку остатки материальной культуры — постройки и керамика, обнаруженные при раскопках, имеют одинаковые отличительные признаки для всего периода IV—VI вв., они не могут служить основой для установления каких-либо хронологических вех. В связи с этим единственную возможность определить точную дату гибели города предоставляют монеты. Находки монет, относящихся ко времени императора Фоки, показывают, что в те годы город еще поддерживал достаточно тесные, по всей вероятности, морские связи с Византией и жил оживленной внутренней жизнью. В первом десятилетии VII в. часть крепости была уничтожена, но город продолжал существовать и на сократившейся территории, как о том свидетельствуют монеты времени Ираклия. Вскоре, однако, положение резко изменилось. Самые поздние из монет, найденных в Истрии, относятся ко времени императоров Фоки и Ираклия. Основываясь на этом, автор приходит к тому же выводу, что и Е. Кондураки: он считает, что крепость Истрия перестала существовать вскоре по окончании первого десятилетия.

Падение Истрии Нубар, как и Кондураки, объясняет, с одной стороны, нашествиями славян и аваров, а с другой — общими переменами, происходившими в этот период в области аграрных отношений. Судьбы Истрии были тесно связаны с сельским хозяйством: в результате сдвигов, происшедших в экономике империи, город вынужден был жить за счет эксплуатации соседних областей; он больше не располагал собственными ресурсами, необходимыми для дальнейшего существования. В этом Нубар усматривает одну из коренных причин гибели Истрии.

Статья И. Барнеа посвящена истории Добруджи в годы правления императора Анастасия²². Подчеркнув прежде всего ту роль, которую играла Добруджа в его распре с Виталианом, автор рассматривает затем постройки, возведенные, по всей вероятности, при этом императоре. Среди них выделяются *Basilica coemeterialis* из Истрии, обнаруживающая значительное сходство с подобного же рода малоазиатскими сооружениями, и базилика в *Tgoraеush Traiani*, относящаяся, по-видимому, к тому же периоду. Признаки византийской строительной деятельности налицо также в Томи и Ульметуме. Не исключено, что в это время была сооружена и 59-километровая стена между Аксиополем и Томи, во многом сходная с длинными стенами Константинополя.

Автор исследует далее найденную в Диногетии и Истрии черепицу с начертанным на обломках именем императора Анастасия — свидетельство того, что она была произведена в его царствование, а также серебряную тарелку с именем епископа Патерна из Томи — современника императора. Барнеа приходит к выводу, что все эти сооружения были возведены в годы мира и сравнительного благосостояния империи, т. е. в первый период правления Анастасия.

Результаты археологических изысканий последних лет и исследования, написанные на их основе, в большинстве своем использованы при создании первого тома «Истории Румынии». Эта работа в целом — крупнейшее событие в истории нашей культуры, поскольку вся история Румынии пересматривается в книге с марксистских позиций. Целая глава в первом томе посвящена периоду византийского владычества в Добрудже, а часть

²¹ H. Nubăr. *Monede bizantine de la începutul secolului al VII-lea și sfârșitul cetății Histria*. «Studii și cercetări de numismatică», III, 1960, p. 183—195.

²² I. Barnea. *Contributions to Dobrușdja History under Anastasius I*. «Dacia», IV, 1960, p. 363—374.

другой — взаимоотношениям Римско-Византийской империи с левобережьем Дуная в IV—VI вв.²³ Обе эти главы являются вместе с тем ценным вкладом и в изучение истории расположенных на периферии империи областей, где в тот период произошли глубокие социально-политические изменения.

Авторы главы о Добрудже (Стефан и Барнеа) пришли к выводу, что в течение всего римско-византийского периода здесь наблюдается развитие натурального хозяйства и упадок городов; исключение составляют лишь прибрежные города. Как и в остальной части империи, там росла крупная земельная собственность. Археологические раскопки указывают на существование больших поместий (villae) магнатов в окрестностях Дуростора и крепости Тгораеум и вместе с тем — на постепенное исчезновение владений горожан и крестьян.

Рассматривая отношения Римско-Византийской империи с левобережьем Дуная в IV—VI вв., Д. Тудор справедливо констатирует, что прекращение римского управления в траяновской Дакии не привело к разрыву связей между северным и южным побережьями Дуная. Напротив, в экономическом отношении южнодунайские области по-прежнему были тесно связаны с северодунайскими. Это подтверждается регулярными находками на левобережье большого количества медных монет, керамики и черепицы со штампами легионов южнодунайских областей. Переход императора Константина к аннексионистской политике ознаменовался постройкой новых укреплений и каменного моста между Оэкусом и Суцидавой. Чтобы создать стратегическую зону для прикрытия тылов, римляне даже, по мнению Тудора, установили контроль над областью, составляющей больше половины современной Ольтении и Мунтении. Автор пришел к этому выводу, исходя из предположения, что земляной вал, известный под названием brazda lui Novak, был воздвигнут при Константине для защиты территории, недавно завоеванной римлянами. В результате поражений от гуннов римляне около середины V в. потеряли пограничную область по Дунаю. Толстый слой золы, доходящий до 0,5 м, свидетельствует, что Суцидава явилась жертвой пожара. Клады совершенно новых монет, обнаруженные в этом культурном слое, содержали монеты времени Феодосия II.

Далее, Тудор полагает, что в начале VI столетия, в период правления Юстина I, византийцы вновь овладели некоторыми опорными пунктами на левом берегу Дуная; старые укрепления были восстановлены, и византийцы поставили в них несколько гарнизонов пограничных войск (limitarii). Империя удерживала господство над этими пунктами вплоть до VI в., т. е. до завоевания их аваро-славянами.

В одной из наших работ, опубликованной в «Византийском вестнике», уже высказывалось сомнение относительно существования в VI в. реальной византийской власти на левобережье Дуная: мы указывали, что, на наш взгляд, утверждение Прокопия не соответствует действительному положению вещей и Юстиниану удалось лишь добиться согласия отдельных местных князей на организацию защиты переправ через Дунай. Крепостные сооружения, находящиеся на левом берегу Дуная, восстанавливались с помощью скромных средств местного населения.

Взаимоотношениям Византии с Румынией на протяжении всего средневековья было посвящено носившее несколько общий характер сообщение Ал. Элиана, сделанное им на конгрессе византинистов в Праге в 1957 г.²⁴

²³ Stăpînirea romano-bizantină în Dobrogea (sec. IV—VII), in: Istoria Romîniei, vol. I. Bucureşti, 1960, p. 580—614; Legăturile dintre imperiul romano-bizantin şi teritoriul din stînga Dunării în secolele IV—VI. Ibid., p. 647—669.

²⁴ Al. Elian. Les rapports byzantino-roumains. Phases principales et traits caractéristiques. BS, vol. 19, 1958, 2, p. 212—225.

Главное внимание автора привлекли некоторые проблемы, часто обсуждаемые, но еще недостаточно выясненные в работах румынских историков. К их числу относятся, например, вопрос о том, принадлежали ли три скифских вождя — Татос, Сестлав и Саца, о пребывании которых на Дунае во время похода Алексея Комнина в 1086 г. упоминается у Анны Комниной и Атталиаты, — к коренному населению или они были вождями какого-то кочевого племени. Элиан с полным основанием присоединяется ко второй точке зрения. Однако правильность ее отнюдь не означает, что среди населения обоих берегов Дуная римский элемент не был значительным.

Останавливаясь далее на взаимоотношениях между Византией и славяно-румынскими князьями из Семиградья, автор утверждает, будто при Василии II эти князья признали верховную власть Византии. Согласиться с этим невозможно.

По мнению Элиана, после создания обоих румынских княжеств их официальные отношения с Византией носили чисто церковный характер; известны только единичные случаи вмешательства Византии в борьбу за власть в этих княжествах. Хотя в источниках и в самом деле отсутствуют какие-либо иные указания на этот счет, мы все же не склонны считать, что румынско-византийские отношения ограничивались только церковной сферой. Византийская дипломатия, столь активно действовавшая на Западе в поисках союзников для борьбы с турками, безусловно, не могла остаться равнодушной к государству, которое складывалось на левом берегу Дуная. Элиан полагает, что в XIV—XV вв. византийское влияние проникало в румынские княжества через южных славян и поэтому эволюцию культуры в румынских землях надлежит рассматривать только в связи с процессами культурного развития южных славян. Однако, как нам кажется, нужно иметь в виду и другое обстоятельство: укреплению византийского влияния в румынских княжествах сильно способствовала длительная и постоянно увеличивавшаяся иммиграция греков.

II. Настурел возобновил дискуссию²⁵ по поводу толкования следующего известия Феофилакта Симокатты (с небольшими изменениями повторенного и Феофаном): когда во время похода византийских войск против аваров в 586 г. (на левобережье Дуная) часть их снаряжения падала с вьючных животных, иные византийские солдаты обращались к своим товарищам со словами на местном диалекте «*torna, torna*» (по Феофану: «*Torna, torna, fratre*»), что вызывало недоумение в войсках. Часть историков и филологов истолковывала эти слова как первые признаки формирования в то время старорумынского языка, другие склонялись к мнению, что это было просто выражение, укоренившееся в византийской армии в связи с тем, что военные командиры долгое время пользовались латинскими оборотами речи. Настурел предложил компромиссное решение вопроса: он полагает, что слова эти были привнесены в византийскую армию местными жителями из их родного языка и усвоены солдатами (о чем свидетельствует стратегикон) как воинская команда. К анализу данного выражения обратил недавно профессор-филолог А. Розетти, который пришел к заключению, что слова «*torna, torna, fratre*» восходят к языку местного романизированного населения²⁶.

В другой статье Настурела разбирается вопрос о местоположении

²⁵ P. S. Năsturel. *Torna, torna, fratre. O problemă de istorie și lingvistică. «Studii și cercetări de istorie veche», VII, 1956, p. 179—188.*

²⁶ Al. Rosetti. *Despre «torna, torna, fratre». Omagiu lui Constantin Daicoviciu București, 1960, p. 467—468.*

города Вицины, одного из византийских форпостов на Дунае²⁷. Автор приводит сведения, сообщаемые неким греком — жителем этой гавани — и изданные А. Делаттом²⁸. На основании этих данных Настурел заключает (к такому выводу, впрочем, уже приходили и другие исследователи), что город был расположен на месте современной Исакии. Он считает, что на месте римской крепости Новиодун находилась известная по византийским источникам Дитцина, а вблизи нее генуэзцы основали эмпорий, которому и дали имя Вицина. Последнее, по мере развития, постепенно полностью вытеснило название Дитцина. Крепость Пампуло, упоминаемая в том же источнике, является, по утверждению Настурела, византийским поселением в Бизерикуте.

Таковы важнейшие работы последних лет, посвященные взаимоотношениям Византии и нашей родины. Мы сочли нужным подробно остановиться на них, так как они трактуют локальные проблемы, мало известные широкому кругу византинистов.

С 1958 г. Академия наук Румынской Народной Республики приступила к изданию собрания произведений византийских историков: их работы служат также источником и по истории Румынии.

В. Греку, осуществивший издание и перевод сочинений, которые помещены в первых томах серии, обратился прежде всего к трудам поздневизантийских историков, содержащим много важных данных о румынских княжествах, а также о народах Балканского полуострова в XIV—XV вв. Первым вышло критическое издание «Истории» Дуки (с румынским переводом²⁹) — итог длительной работы ученого. Опубликование этого сочинения имеет огромное значение для всех историков Византии, поскольку до сих пор исследователи пользовались старым, боннским изданием Дуки, изобилующим ошибками и представляющим собой простое воспроизведение парижского издания Биллальда 1649 г.

В основу своей публикации Греку положил единственную имеющуюся в наличии парижскую рукопись 1310 г. Лишь для уяснения трудно читаемых мест или для восстановления пропущенного текста он привлекла позднейшую копию парижской рукописи 1766 г. В обеих рукописях отсутствует конец хроники. Для его восстановления Греку обратился к старому переводу хроники на венецианский диалект, относящемуся к XV—XVI вв. и помещенному в «Библиотеке» Мартена.

Помимо содержательного постраничного комментария, издание Греку снабжено введением, где характеризуется личность Дуки, рассматриваются вопросы исторической и литературной ценности его произведения и значения сообщаемых им сведений для истории Румынии. В книге имеются указатели: грамматический, предметный, малоупотребительных греческих слов и слов из других языков, встречающихся у Дуки, а также собственных имен.

Второй том, выпущенный издательством Академии наук, содержит также выполненный Греку перевод на румынский язык «Истории» Лаоника Халкокондила³⁰. Греку использовал издание Дарко, вышедшее в 1922—1923 гг. и полностью отвечающее требованиям, предъявляемым к критическим изданиям. Том содержит многочисленные комментарии, введение,

²⁷ P. S. Năsturel. Așezarea orașului Vicina și țărmul de apus al Mării Negre în lumina unui portulan grec. «Studii și cercetări de istorie veche», VIII, 1957, p. 295—305.

²⁸ A. Delatte. Les portulans grecs. Liège — Paris, 1947.

²⁹ Dukas. Istoria turco-bizantină, 1341—1462, ediția critică de Vasile Grecu. București, 1958.

³⁰ Laonic Chalcocondil. Expuneri istorice Creșterea puterii turcești. Căderea împărăției bizantine. București, 1958.

где рассказывается об авторе и его произведении, а также подробнейший предметный указатель. И хотя на этот раз ученый ограничился только переводом (переиздание в данном случае излишне), подобная работа сама по себе достаточно сложна, если учесть трудности, на которые наталкивается интерпретация такого обработанного в классическом духе источника, каким является сочинение Халкокондила.

На 1963 г. намечен выпуск в свет критического издания «Истории» Кривоцула с переводом Греку. Он же готовит издание и перевод Хроник Франдзи, а также его Малой хроники и ошибочно приписываемой ему Большой хроники. Последнюю издатель предполагает издать тремя различными шрифтами с тем, чтобы можно было различать, что взято ее автором из Малой хроники (следовательно, принадлежит Франдзи и без изменения воспроизведено в Большой хронике), какие места, напротив, были расширены составителем Большой хроники и, наконец, что было им добавлено совершенно заново. Такой способ издания должен с особой наглядностью подтвердить, что Франдзи не мог быть автором Большой хроники.

Не так давно библиотека Румынской Академии наук получила рукопись греческого канона с прекрасными миниатюрами, обнаруживающими совершенство технического и художественного исполнения. Судя по палеографическим особенностям, рукопись относится к XI в. Художественные достоинства миниатюр указывают на их связь с византийским возрождением XIII в. Текст канона с некоторыми замечаниями, касающимися рукописи и миниатюр, издал Барнеа³¹, по мнению которого, канон написан в одном из крупных монастырских центров, вероятно, в Афоне.

Из исследований по истории Византии упомянем статью Барнеа об обязанностях викария Одесса; источником для нее послужила надгробная надпись, найденная в Томи и принадлежащая известному Марцеллину³². Должность викария появилась в конце V в. или в начале VI в., во всяком случае не позднее 536 г., когда была создана *quaestura exercitus* с центром в Одессе. По мнению автора, викариат Одесса был создан одновременно с викариатами Длинной стены и должен был охватывать провинции Вторую Мизию и Скифию.

Из работ, посвященных византийским институтам, назовем также статью М. Сезана о византийском флоте в период Комнинов и Ангелов³³. После отвоевания при Алексее Комнине малоазийского побережья флот империи был реорганизован. Но, как указывает автор, остается неясным, был ли он подчинен специальному морскому ведомству или находился в непосредственном подчинении центральной власти. Ссылаясь на высказывание Анны Комниной, Сезан склоняется ко второму предположению. Он считает, что хотя в это время и были созданы новые морские учреждения, они якобы не имели специальных обязанностей по содержанию флота. Это мнение опровергается, однако, сообщением Михаила Хониата, анализ которого приводит к совершенно иному выводу.

Сезан рассматривает далее характер организации флота, разбирает таблицу о рангах и выясняет роль флота в военных действиях. В заключение отмечается упадок византийского флота, начавшийся вскоре после смерти Мануила Комнина и усилившийся в результате активизации на море итальянских республик. Автору следовало бы, на наш взгляд, поставить упадок флота в связь с процессом аграризации империи, углубившимся в

³¹ I. Barnea. Un canon iconografic ilustrat. «Ortodoxia», XIII, 1961, 1, p. 55—80.

³² I. Barnea. Un vicar de Odessos la Tomis. «Studii și cercetări de istorie veche», VIII, 1957, p. 347—352.

³³ M. Sesan. La flotte byzantine à l'époque des Comnènes et des Anges. [BS, vol. 21, 1960, p. 48—53.

результате победы провинциальной феодальной знати, и, таким образом, отодвинуть начало этого упадка на несколько столетий назад.

Последние века существования Византии привлекли внимание Э. Франчеса. Одну из своих статей он посвятил валашским пастухам в Византийской империи XIII—XIV вв.³⁴ Автор отмечает, что по сравнению с XI в. их положение в это время ухудшилось; причину этого он видит в расширении и углублении процесса феодализации. В XIII в. валашские пастухи поддерживали деспотов Эпира в их борьбе с Никейской империей. После победы последней положение пастухов стало еще тяжелее. Их обложили особенно высокими налогами, а при Андронике II переселили в Малую Азию. Сопротивление владхов ослабело, и они не выступали больше против угнетения с прежней энергией. Относительное равнодушие владхов Франчес объясняет изменой их вождей, предполагая наличие внутри валашской общины различных группировок и взглядов.

В других статьях Франчес вновь обратился к теме, разрабатывавшейся им уже ранее. В одной из предыдущих статей он исследовал взаимоотношения византийских феодалов с городами; теперь он с тех же позиций рассмотрел отношение феодалов к турецким завоевателям³⁵. В результате тщательного изучения ряда конкретных фактов автор пришел к выводу, что со времени своего появления в Малой Азии и вплоть до завоевания Константинополя турки находили поддержку у византийских феодалов. Автор объясняет эту позицию феодалов их постепенным вытеснением из экономической жизни Византии. Феодальная система, господствовавшая в стране, была дезорганизована войнами, в особенности турецкими, сербскими и болгарскими победами. Этому способствовали также деятельность итальянских купцов, проникавших в экономику Византии, и укрепление позиций городов. При таких обстоятельствах византийские феодалы видели в отсталом турецком феодальном государстве силу, союз с которой, как они полагали, позволит им справиться с трудностями, хотя бы даже путем ассимиляции с завоевателями.

Близким проблемам посвящена статья Франчеса о зилотах Фессалоники³⁶. Изложив взгляды современных историков, автор высказывает ряд собственных соображений. Так, по его мнению, связь партии легитимистов в Константинополе и зилотов Фессалоники выражала общность интересов группировавшихся вокруг Палеологов чиновной знати, с одной стороны, и, с другой, жителей крупнейших городских центров. Оба эти слоя боролись против центробежных тенденций, получавших опору среди проиаров.

С точки зрения автора, восстание в Фессалонике прошло два этапа. На первом руководящая роль принадлежала купцам и ремесленникам. Только в 1345 г., когда обнаружилась их замена, последовала сильная реакция плебейских масс и крестьян, сбжавшихся в город, вследствие чего движение приобрело более радикальный характер.

Специальное исследование Э. Франчес посвятил истории русско-византийских отношений. Как известно, в устье Дуная произошли столкновения Византии сначала с Киевским государством, а затем с Галицким княжеством³⁷. Осложнения, возникшие в области старого русла Днестра (в связи с постоянной угрозой со стороны куманов), побудили Киевское государ-

³⁴ E. Frances. *Păstorii vlahi din Imperiul bizantin în secolele XIII—XIV. «Studii», IX, 1956, 1, p. 139—146.*

³⁵ Э. Франчес. Классовая позиция византийских феодалов в период турецкого завоевания. ВВ, XV, 1959, стр. 71—99.

³⁶ E. Frances. *Răscala zeloților din Thessalonie în lumina ultimelor cercetări. «Studii», XII, 1959, 3, p. 257—266.*

³⁷ E. Frances. *Les relations russo-byzantines au XIII-e siècle et la domination de Galicie au Bas-Danube. BS. vol. 20, 1959, p. 50—62.*

ство, стремившееся сохранить связи с Черным морем, обратить внимание на район Молдавы до ее впадения в Дунай. Впрочем, в этом отношении Владимир Мономах только следовал политике, начатой Святославом. Этот же район являлся одновременно и сферой притязаний Галицкого княжества, которому в середине XIV в. удалось оттеснить Киев и укрепить здесь свои позиции. Все это послужило причиной ослабления византийского влияния в нижнедунайских областях.

Выводы Э. Франчеса подтверждаются археологическими раскопками. Позднейшие из византийских монет, найденных в районе Диногетии, относятся ко времени Алексея Комнина³⁸. При раскопках в Диногетии был обнаружен относящийся к X—XII вв. обильный материал русского или восточного происхождения, в частности предметы, изготовленные в Булгаре и появившиеся здесь, несомненно, только благодаря русским купцам³⁹. Хотя большое количество изделий, изготовленных в ремесленных мастерских русских городов и найденных в Диногетии, — обстоятельство, недостаточное для того, чтобы сделать безоговорочный вывод о господстве Руси на территории вплоть до правого побережья Дуная, этот факт во всяком случае дает основание рассматривать данный район как пограничную область, в которой совершался особенно интенсивный торговый обмен с русскими княжествами.

И. Рамуреану опубликовал в последние годы ряд статей в теологическом журнале, рассматривающих обращение венгров, русских и сербов в христианство, осуществившееся под влиянием константинопольской церкви⁴⁰.

Проблемой обеих схизм занимался М. Сезан⁴¹, который справедливо указал, что народные массы держались совершенно нейтрально в споре обеих церквей и что основные причины схизм надо искать в стремлении папства к утверждению своего влияния. Последующие попытки объединения являлись, по мнению Л. Гафтона⁴², не чем иным, как компенсацией, которую Византия предложила Западу, чтобы достичь определенных политических целей. Результатом этой политики явилось еще большее углубление пропасти между обеими церквями.

Вопросами византийской литературы занимался в рассматриваемый период В. Греку. В одной из своих статей он уточнил некоторые детали, касающиеся биографии и исторического труда Кривоула⁴³. Греку высказал предположение, что византийского историка в действительности звали Михаил Критоцул, а Кривоул — его измененное имя, причем самое

³⁸ I. Barnea. *Relațiile dintre așezarea de la Garvan și Bizanț*. «Studii și cercetări de istorie veche», IV, 1950, 3—4, p. 649.

³⁹ I. Barnea. *Byzance, Chiev et l'Orient sur le Bas-Danube du X-e au XII-e siècle*. «Nouvelles études d'Histoire». Bucarest, 1955, p. 75; i d e m. *Elemente de cultură materială veche rusească și orientală în așezarea feudală (sec. X—XII) de la Dinogetia (reg. Galați)*. «Studii și referate privind istoria României». București, 1954, I, p. 195—227; i d e m. *Amforele feudale de la Dinogetia*. «Studii și cercetări de istorie veche», V, 1954, 3—4, p. 522—524, 527.

⁴⁰ I. Rămureanu. *Inceputurile creștinării ungarilor în credința ortodoxă a Răsăritului*. «Studii teologice», IX, 1957, 1—2, p. 23—57; i d e m. *Creștinarea rușilor în lumina noilor cercetări*. «Studii teologice», IX, 1957, 5—6, p. 386—413; i d e m. *Inceputul creștinării sîrbilor sub împăratul bizantin Heracliu*. «Studii teologice», XI, 1959, 3—4, p. 164—181; i d e m. *Creștinarea sîrbilor sub împăratul Vasile I Macedoneanul*. «Studii teologice», XII, 1960, 1—2, p. 3—28.

⁴¹ M. Sesan. *Patriarhul Fotie și Roma*. «Mitropolia Ardealului», V, 1960, 7—8, p. 535—559; i d e m. *Considerațiuni asupra schismei din 1054*. «Mitropolia Ardealului», II, 1957, 3—4, p. 205—218.

⁴² L. Gafton. *Agravarea schismei prin încercările de unire în secolele XI—XV*. «Ortodoxia», VIII, 1956, 3, p. 397—416.

⁴³ V. Grecu. *Kritobulos sau Imbros*. BS, vol. 18, 1957, 1, p. 1—17.

изменение было обусловлено стремлением придать этому имени классическое звучание. Тем же причинами Греку объясняет и происхождение имени Гермодор. Анализируя посвящение султану Мухаммеду II, содержащееся в произведении Критовула, ученый указывает на две редакции текста этого посвящения: одна из них уделяет значительное место военным деяниям султана, вторая же — более краткая. Краткую редакцию Греку рассматривает как подлинную; пространная, по его мнению, представляла собой послание, сопровождавшее произведение, посвященное султану, и кратко излагавшее его содержание, чтобы ввести султана в суть дела.

Греку внес далее некоторые поправки к мюллеровскому изданию «Истории» Критовула. К. Мюллер считал рукопись этого произведения из библиотеки сераля более поздней копией, а отметки на ее полях — соответствующими оригиналу; он предполагал только, что они взяты из другой рукописи. Греку же доказывает, что именно рукопись сераля является оригиналом. Он подчеркивает значительное влияние, которое на произведение Критовула оказал труд Фукидида.

Другая работа Греку посвящена Лаонику Халкокондилу⁴⁴. Его настоящее собственное имя, как указывает Греку, — Николай. Однако историк изменил его на античное — Лаоник. Относительно начертания его «фамилии» взгляды исследователей разделились: одни считают, что его называли Халкокондил, другие — Халкокондил. Греку присоединяется к последнему мнению, так как это начертание встречается у большинства копистов и, кроме того, в одной из надписей в церкви в Афинах, а также на портрете внука Лаоника Халкокондила.

По мнению Греку, год рождения византийского историка — 1423. Последний издатель Халкокондила предполагает, что после завоевания Византии турками он искал пристанища на острове Крит. Греку, однако, считает, что историк остался на завоеванной территории. Бесспорными доказательствами этому служат его знание турецкого языка, обычаев, системы управления и истории Оттоманской империи, а также расположение историка к туркам. Возможно, он проживал в Афинах. Греку указывает на несомненное сходство произведений Халкокондила и Критовула: совпадение некоторых сообщений, благосклонное отношение авторов к туркам, восхищение личностью Мухаммеда II, изображение его войн не как завоевательных походов, а как необходимых карательных экспедиций против окружающего населения, обязанного податями султану. Равным образом и причину нападения на Пелопоннес оба историка усматривают во вражде местных деспотов. Наконец, образцом и для Халкокондила, и для Критовула послужил труд Фукидида.

В своей статье И. Рамуреану обстоятельно описывает жизнь и деятельность первого константинопольского патриарха при турках — Геннадия Схолария, сыгравшего благодаря своему влиянию выдающуюся роль в последние тревожные годы существования города⁴⁵.

Важным последствием турецкого завоевания явилась сильная греческая иммиграция в румынские княжества. Она возросла особенно с XVI в. и достигла своей кульминации в правление фанариотов. Результатами ее явились: распространение в широких масштабах византийского права, применение греческого языка в канцеляриях князей, а также проникновение вместе с многочисленными греками, пришедшими из различных ча-

⁴⁴ В. Греку. К вопросу о биографии и историческом труде Лаоника Халкокондила. ВВ, XIII, 1958, стр. 198 — 210.

⁴⁵ I. R ă m u r e a n u. Ghenadie II Scholarios, primul patriarh ecumenic sub turci. «Ortodoxia», VIII, 1956, 1, p. 76 — 109.

стей Оттоманской империи, греческой культуры в среду господствующего класса.

Вопрос о размерах греческой иммиграции в румынские княжества после падения Константинополя был изучен в статье П. Настурела⁴⁶. По мнению автора, непосредственно после захвата турками Константинополя в Валахию переселились лишь немногие греки, о чем свидетельствует отсутствие в местных документах греческих имен. Это и понятно: тогдашний правитель Валахии Владислав II перешел на сторону турок и, естественно, боялся предоставлять убежище греческим беглецам. Кроме того, греки не считали валашские города достаточно надежной защитой, поскольку и они находились под постоянной угрозой турецких вторжений. Возможно, что многие греки, бежавшие к морю, нашли приют в Молдавии. К такому заключению П. Настурел приходит на основе изучения энциклики молдавского митрополита Иоахима, обратившегося к населению с призывом оказать поддержку беглецам. Исходя из данных, содержащихся в письме епископа Самуила, автор предполагает также, что некоторые греческие иммигранты достигли Семиградья. Конечный вывод Настурела: занятие Константинополя турками не привело к усилению влияния греков в румынских княжествах, напротив, в условиях стагнации, наступившей после этого, здесь еще больше возросла роль славянской культуры.

Особое внимание в последние годы уделялось критическому изданию законодательных сборников румынских княжеств, составленных при фанариотах на греческом языке и по греческому образцу. Были изданы: кодекс Караджа⁴⁷, введенный в Румынии в 1818 г. и в большей своей части составленный одним из выдающихся представителей греческой культуры начала XIX в. Афанасием Христулом; кодекс Каллимаха⁴⁸ — законодательный сборник, вступивший в силу в 1817 г. и наряду с положениями, заимствованными из австрийского права, содержащий церковные распоряжения, взятые из законодательства Юстиниана; юридический справочник Андроника Доничи⁴⁹ (подобный «Шестикнижью» Арменопула), составленный в 1813 г. на румынском языке на основе византийских источников (институций Юстиниана). Кроме этих законодательных сборников, вышел критически изданный и также составленный впервые на румынском языке светский законодательный сборник «Cartea romînească de învățătura»⁵⁰, содержащий, в частности немало статей византийского аграрного права.

В сборнике помещен как греческий текст «Земледельческого закона» с румынским переводом, так и выдержки из церковных постановлений, рукописи которых хранятся в библиотеке Румынской Академии наук.

Всем выпускам данной серии предпосланы подробные вводные статьи, анализирующие законодательные сборники в свете социально-экономических отношений того времени, определяющие источники, которыми пользовались составители, имена последних, оценивающие более ранние издания данных памятников, и т. д. Каждый том завершается предметным указателем.

Сборники содержат богатый материал из юридической практики. Ближайшим результатом издания этих законодательных сборников была публикация ряда исследований по истории нашего старого права. Особое внимание в них уделяется причинам распространения византийских

⁴⁶ P. S. Năsturel. Urmările căderii Tarigradului pentru biserica romînească. «Mitropolia Olteniei», XI, 1958, 1 — 2, p. 45 — 73.

⁴⁷ Codul Caragea. București, 1955.

⁴⁸ Codul Callimach. București, 1958.

⁴⁹ Manualul juridic al lui Andronic Donici. București, 1959.

⁵⁰ Cartea romînească de învățătura. București, 1961.

юридических норм в румынских княжествах. Так, Г. Кронт⁵¹ утверждает, что византийское право было принято в княжествах не только вследствие общего проникновения туда византийской культуры, но и потому, что по существу оно полностью соответствовало их социально-экономическому развитию. Автор отмечает, что еще до появления первых законодательных сборников на румынском языке, содержащих, однако, только византийские юридические установления, в румынских княжествах были распространены различные номоканоны, главным образом синтагма Матвея Властаря и «Шестикнижье» Арменопоула.

Эти сборники, как полагает Кронт, служили не только пособием при изучении права, но и применялись в судах в качестве руководящих правовых норм. Принятие римско-византийского права не было только формальным актом. Оно совершилось в тот период, когда начался процесс распада общины и укрепления господства феодалов. Одновременно с централизацией феодального государства возрастало стремление к принятию римско-византийского права, поскольку последнее способствовало выкорчевыванию местных обычаев и укрепляло власть правителей над их подданными. В этих условиях появились «Законы Молдавии» и «Толкование законов румынских княжеств», которые в свою очередь воспроизвели большую часть «Законов Молдавии». Единственное различие между ними заключается в том, что молдавское собрание законов содержит только светские правовые нормы, в то время как валахское включает в себя и каноническое право.

Попытки Г. Кронта решить вопросы о составителях и редакторах этих законодательных сборников, а также определить их источники не внесли чего-либо нового в понимание этих проблем. В соответствии с традиционной точкой зрения он утверждает, что «Pravila Moldovei» представляют собой компиляцию трактата Проспера Фаринация «Praxis et theoricæ criminalis» и «Земледельческого закона», в то время как «Indreptarea legii» содержат также тексты из синтагмы Властаря и номоканона Малаксоса.

Кодекс Каллимаха явился и предметом изучения В. Джорджеску⁵², который с полным основанием считает, что этот сборник отразил общественные отношения периода распада феодализма. Буржуазное влияние сказалось на самой технике составления сборника и нашло свое отражение в едином характере законодательства, источником которого послужило главным образом австрийское законодательство и только в незначительной мере — византийское право.

В актах канцелярий румынских князей и в церковных документах второй половины XVI в. часто употребляется греческое письмо. Это вызвало необходимость предпослать в качестве введения к собранию документов румынских княжеств, выпущенному Институтом истории Румынской Академии наук, исследование по греческо-румынской палеографии⁵³. Автор его, А. Элиан, изучив язык документов, отмечает, что в большинстве случаев он представляет собой литературный новогреческий язык, в котором встречаются отдельные слова, заимствованные из румынского. Примечательно, что среди памятников XVI в. имеются тексты на румынском языке, написанные греческими буквами, или греческие тексты, написанные кириллическим письмом.

⁵¹ Gh. Cronț. Dreptul bizantin în Țările Române. Pravila Moldovei din 1646. «Studii», XI, 1958, 5, p. 33 — 59; idem. Dreptul bizantin în Țările Române. Indreptarea legii din 1652 «Studii», XIII, 1960, 1, p. 57 — 82.

⁵² V. Georgescu. Trăsăturile generale și izvoarele Codului Callimach. «Studii», XII, 1960, 4, p. 73 — 106.

⁵³ Al. Elian. Elemente de paleografie greco-română. Documente privind istoria României. Introducere, vol. I. București, 1956, p. 359 — 381.

Из работ по дипломатике укажем статью Д. Замфиреску⁵⁴, в которой тщательно исследуются преамбулы документов на греческом языке, исходивших из канцелярии румынских князей и опубликованных в собрании Хурмузаки. Первые из этих княжеских актов сохраняли в основном традицию древних славянских документов, но постепенно форма и содержание преамбул менялись. Наряду с общими религиозно-этическими соображениями сюда включаются и указания на конкретные исторические события, вызвавшие появление данного акта. Преамбулы не являлись более лишь простым повторением стереотипных канцелярских фраз: они стали богаче содержанием, стиль их сделался более свободным, близким к литературному, составители их отказались от злоупотребления цитатами из более ранних документов. Основную причину этих изменений автор усматривает во влиянии патриаршей канцелярии, продолжавшей традицию византийской императорской канцелярии.

При рассмотрении взаимоотношений греческого мира с румынскими княжествами должны быть упомянуты также многочисленные статьи, опубликованные в теологическом журнале и посвященные взаимоотношениям румынской церкви с константинопольским патриархатом и монастырями Афона.

Таков вклад румынских историков в разработку проблем византиноведения, сделанный за последние пять лет. Как мы видели, в первую очередь взоры ученых, естественно, обратились к изучению истории области, принадлежавшей в прошлом Византийской империи, а ныне составляющей часть территории нашей страны, — Добруджи. Данные, полученные исследователями (их количество будет, по-видимому, возрастать в результате дальнейших раскопок), способствуют изучению условий материальной жизни в отдаленных провинциях европейской части империи, их экономических взаимоотношений с остальными провинциями, установлению влияния соседних кочевых народов, выявлению особенностей процесса феодализации и организации управления в этом районе, а также других важных и еще недостаточно изученных вопросов истории Добруджи.

Подводя итоги, скажем, что за последние годы интерес к проблемам византиноведения чрезвычайно возрос. Об этом свидетельствует издание византийских исторических сочинений и публикация в каждом томе исторического журнала («*Studii*») подробной библиографии важнейших византиноведческих работ, вышедших в разных странах. Все более настоятельным делом становится организация специального сектора византиноведения, который мог бы оживить и координировать работу в этой области.

⁵⁴ D. Zamfirescu. Preambulari de documente grecești emantate din cancelariile domnilor români. «*Studii teologice*», X, 1958, 9 — 10, p. 621 — 642.